

УДК 94:316.7(571.1/.5)
DOI: 10.17223/19988613/42/14

В. Ольшевски

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ОТНОШЕНИЯ ПОЛЯКОВ К ЖИТЕЛЯМ СИБИРИ

*Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.19. 2016,
выполненного при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.*

Появление поляков в Сибири относится к тому периоду, когда только начиналась российская колонизация этой земли. Для того, чтобы понять позиции поляков, их отношение к другим жителям Сибири, надо отдавать себе отчет в том, что само слово «поляки» на протяжении нескольких столетий имело разный смысл, различное культурологическое наполнение. В статье, методология которой основана на дифференциации культурно-исторических контекстов, особое внимание обращается на то, как особенности культурной идентичности различных групп поляков и процессы эволюции этой идентичности в их группах преопределяли их отношение к жителям Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; поляки; культурная идентичность.

Вопросы «Как воспринимали поляки, оказавшиеся в Сибири, ее жителей?» и «Как они к ним относились?» не являются вопросами, которые касаются определенного, неизменного контингента поляков и, соответственно, их установок по отношению к иному, отличному от них самих культурному окружению. Ответы на эти вопросы возможны только при учете внутренней дифференциации в самой среде «сибирских поляков».

Польские отношения с Сибирью, особенно на протяжении последних двух столетий, вследствие всех исторических и политических сложностей, были и остаются важным элементом, формирующим представления поляков о России и Советском Союзе, о русских и россиянах в целом [1–4]. Поэтому неудивительно, что данная проблема постоянно оказывается в поле интересов как польских, так и российских исследователей.

Однако в данной статье я хотел бы сосредоточить внимание не столько на самом отношении поляков к жителям Сибири, сколько на том, какое влияние на позиции поляков в этом вопросе имела сама конструкция (организация) их культурной идентичности. Я убежден, что это поможет понять поступки, поведение, установки поляков, особенно такие их позиции, которые исследователям (а также польской общественности) порою кажутся трудно объяснимыми или совсем непонятными [5. С. 130–148]. В своих анализах я буду опираться прежде всего на гуманистическое направление в польской антропологии первой половины XX в. Предпринятые в то время новаторские по своему характеру теоретические исследования, прежде всего касающиеся проблематики культурной идентичности и отношений между разными культурами, в значительной мере до сих пор сохранили свою актуальность и научный потенциал. Не устарели и не исчерпали себя выработанные в то время подходы к вопросам польской национальной идентичности и отношения поляков с соседними народами, этническими группами и меньшинствами¹.

Начну с краткой характеристики двух важнейших в контексте нашей проблематики форм организации об-

щественной группы, бывших одновременно формами становления и выявления ее идентичности. Первая из этих форм – этническая группа, вторая – народ (нация). Разумеется, выделение таких моделей связано с некоторым упрощением действительности, ибо реальная общественная и культурная жизнь всегда бывает гораздо более сложной и богатой, чем схема научной классификации. Но я все же буду вести речь именно о данных формах, явившихся результатом определенного моделирования ситуации и теоретических обобщений.

Этническую группу можно определить как группу *неорганизованную*. Она лишена как тех форм общегрупповой организации, которые характерны для родо-племенных сообществ, так и элементов организации, очевидных в более сложных социальных структурах, прежде всего здесь отсутствуют такие механизмы и групповые институты, которые служили бы проведению собственной культурной политики, обеспечивали бы сознательную и целенаправленную деятельность, устремленную к тому, чтобы не только сохранить, но дать толчок к дальнейшему развитию своей культуры и пропагандировать ее ценности среди соседних групп.

Принадлежность индивидуума к группе в таком ее понимании определяется соответствием данного индивидуума идеальному культурному образцу. Общественно-культурные границы этнической группы простираются до той черты, которая определяется сознанием ее культурного единства, отличия от соседних групп и противостояния им. Эти границы зависят от радиуса культурно-общественной компетенции членов этой группы. Там, где начинается мир культурной некомпетенции, мир чужих ценностей, – возникает уже другая, чужая группа. Динамика культурного развития этнической группы, ее способность к освоению нового, реализации культурных инноваций, в целом, невелики, и процессы такого рода протекают медленно. Само существование такой группы и мыслится, и реализуется как максимально точное и верное воспроизведение сложившегося прежде идеального культурного образ-

ца. На страже этого идеала стоят признанные в данной группе авторитеты и общественное мнение. Их задачей является забота о сохранении установившегося status quo [7. С. 11; 8. С. 181–193; 9. С. 15]².

В отличие от этнической группы, основой организации народа (нации) и его идентичности являются не следование идеальным культурным образцам, а механизмы и институция культурного руководства (лидерства) и активное, творческое, признанное окружающим миром, сознательное участие всех членов группы в развитии общей культуры.

Как писал в 1935 г. Флориан Знанецкий (Florian Znaniecki), «сохранение отличительных особенностей и единства группы, которое на уровне этнической группы достигается ненормированной деятельностью однородной массы ее членов, в народе (нации) оказывается достижимым посредством и благодаря специальным институциям культурных лидеров (вождей) народа. <...> Язык становится упорядоченным литературно, искусство, религия, философия из анонимных и не подверженных критике форм народного творчества поднимаются на тот уровень, где они становятся продуктом передовой общественной мысли всей нации, осознавшей необходимость их создания и развития. <...> На место народного обычая приходит не право (как это наблюдается в организации государства), а национальная мораль, которая реализуется в поступках и поведении людей, признанных нравственно безупречными лидерами, и формулируется в произведениях моралистов. Легенды <...>, в которых отражались знания или заблуждения этнической группы, касающиеся ей прошлого, вытесняются национальной историей (развивающейся на научной основе). Педагоги выстраивают новые системы и школы, определяющие направление национального воспитания. <...> И все это происходит даже в том случае, если народ (нация) формируется независимо от государства, в котором он существует, или вопреки политике этого государства. Общественное мнение опирается на признанные авторитеты, способные указать массам выход и решение по каждому, существенному для нации вопросу» [7. С. 13–14].

Народ поддерживает своих лидеров, если считает их действия правильными, в противном же случае он их свергает. Внутренние обязательства, которые каждый член группы имеет по отношению к народу (нации), в отличие от обязательств по отношению к государству, имеют не правовой, а моральный характер. Более того, национальные институции нередко действуют независимо друг от друга и даже оказываются в конфликте друг с другом. Но это не наносит ущерб народу, напротив, обогащает его культуру. Народ-нация в отличие от государства является группой, которая не зависит от централизованной власти и ее организации, а руководствуется сознательно принятыми моральными обязательствами. Именно это дает ему преимущества над государством, с одной стороны, и этнической группой – с другой. Добровольно приня-

тые обязательства всегда действуют сильнее, чем следование закону и праву, будь то государственное законодательство или обычное право. Именно поэтому народ (нация) обладает большим потенциалом развития и экспансии. Не боясь потерять свою идентичность, он может свободно черпать вдохновение и импульсы, исходящие от соседних и отличных от него культур, и одновременно сам он хочет заинтересовать этих соседей собственными культурными ценностями. Важным элементом силы народа (нации) является его экономический потенциал, развивающийся на основе частной собственности. Благодаря этим качествам народ (нация), будучи экспансивной группой, всегда имеет преимущества в действии своего ассимиляционного потенциала при соприкосновении с этнической группой, которая по самой своей природе остается исключительной (не способной к ассимиляции новых членов) [Там же. С. 60–66].

Посмотрим теперь, как формировалась польская национальная идентичность в период переселения поляков в Сибирь. Начавшиеся в польских этнических группах, как считает Ф. Знанецкий, в XII в. процессы, направленные на формирование народа-нации, привели уже в XV в. к формированию сильной польской национальной идентичности. Между прочим, результатом этого стала позднейшая постепенная добровольная полонизация русской, белорусской и литовской шляхты.

Польский народ складывался, однако, как «народ дворянский», открытый по отношению к шляхте иного этнического происхождения (и добившийся больших успехов на пути ее интеграции и ассимиляции), но с трудом – в силу своего исключительного сословного положения – принимавший другие группы и слои польского общества. Именно в силу этих обстоятельств значительная часть этнических поляков (прежде всего крестьянского населения) еще не обладала национальной идентичностью, сохраняя все признаки этнической группы.

Перелом наступил в XIX в., после январского восстания, когда польская шляхта окончательно потеряла способность выполнять роль национального лидера. Способствовали этому две причины – внутренняя (заключавшаяся в указанной выше неспособности этой группы преодолеть свою сословную ограниченность) и внешняя, вытекавшая из того, что захватившие и «разделившие» Польшу державы умышленно подрывали экономический потенциал польской шляхты, а ведь этот потенциал был национальным достоянием. Однако этот удар, видимо сознательно нанесенный захватчиками по польским дворянским именам, парадоксальным образом привел к усилению и быстрому развитию польской национальной идентичности. На место шляхты в роли национального лидера пришла (разночинная) интеллигенция, которая, впрочем, первоначально происходила из дворянских кругов. Смена лидерства привела к тому, что в течение полувека польская национальная идентичность распространилась на

все общественные группы, и польский народ, хотя и лишенный собственного государства и жестоко угнетаемый захватчиками, достиг своего географического апогея, причем во всех пограничных областях. Несмотря на это, еще в начале XX в. существовали значительные группы этнических поляков, чья идентичность в большей мере соответствовала их положению в качестве этнической группы, нежели нации-народа [7] (более подробно о процессах формирования идентичности на польских восточных окраинах – Kresach и о том, как отражались эти процессы в научной литературе, см.: [11; 12. С. 175–268]).

В контексте представленных выше теорий, касающихся национальной идентичности, посмотрим, как формировались взгляды поляков, ставших сибирскими ссыльными после разгрома восстаний. Очевидно, что они принадлежали к национальной элите, к группе «культурных предводителей» народа. Следовательно, они должны были быть настолько же уверенными в собственной культурной идентичности и приверженными ей, насколько также открытыми по отношению к тому культурному окружению, в котором они оказались. Более того, они должны были черпать из этого окружения импульсы и инспирации для обогащения собственной национальной культуры. Однако Светлана Мулина, российская исследовательница истории и судьбы польских ссыльных после январского восстания 1863–1864 гг., их жизни и общественного признания в Сибири, отмечает, что они сознательно ограничивали свои контакты с местным населением, а в своих письмах и дневниках создавали негативные стереотипы жителей Сибири и способствовали распространению таких стереотипов. Она утверждает, что польские ссыльные не видели возможности и не выражали желания сближения с местным населением. С.А. Мулина пишет: «Поляки постоянно подчеркивали культурную дистанцию между собою и местными жителями» и приводит примеры такого рода их отношения и поведения:

“Влекомый любопытством, <...> пошел я в амбар, преобразованный в театр, – иронизировал М. Жаба – и, ручаясь вам, выпался бы хорошо, если бы меня не будили выкрикивания актёров на сцене”. Другой повстанец <...> иронично отзываясь о литературно-музыкальном вечере, данном “москалями”, на котором он присутствовал только “из вежливости”. “Легко себе вообразить, какой это был вечер, как он мог быть исполнен здешними чиновниками, я имел несчастье тоже быть на нем. Везде отупелость и мрак”. <...> Даже будучи вхож в дома к местным жителям, где его неплохо принимали, М. Жаба с завидным упорством продолжал выискивать недостатки сибирского общества: “Нет той сердечности, которая характеризует наши польские дома, где человек проводит время с пользой для сердца и ума, и это, потому что не только сплетни составляют тему разговора...”» [5. С. 130].

Далее С.Ф. Мулина обращает внимание на действующие в среде польских ссыльных неформальные

объединения и товарищества, которые занимались организацией помощи нуждающимся товарищам и заботились о сохранении национальных традиций и ценностей в среде ссыльных. Важнейшие запреты, обязательные для польских ссыльных – членов таких объединений, цель которых состояла в защите национального достоинства поляков, были наложены на пьянство и азартные игры. Существовал еще третий запрет, не менее важный. «Одним из неперемennых пунктов устава польских организаций являлось требование не иметь связей с распутными женщинами и не вступать в брак. Отрицательное отношение польских ссыльных к браку с православной обнаруживается довольно часто. Так, в письме, изъятом полицией у Ксаверия Сосулича, жеманство на “сибирских развратницах” названа «публичной насмешкой над религией и чувствами вырубленного народа, преступлением, за которое нет прощения, бесчестьем. <...> Польские тайные организации возражали даже против внебрачных связей ссыльных земляков с русскими женщинами» [Там же. С. 135].

Далее российская исследовательница обращает внимание на то, что многие из ссыльных не соблюдали этих запретов, а также на то, что их религиозная жизнь не вполне соответствовала требованиям католической церкви.

Что же, значит, польские теоретики, занимавшиеся национальной проблематикой, ошибались? Для ответа на поставленный таким образом вопрос мы должны принять во внимание несколько обстоятельств. Ссыльные у себя на родине принадлежали к группе национальных лидеров, т.е. к той группе, которая предлагала своему народу культурные образцы, разрабатывала направления творческих преобразований этих исходных образцов. В положении ссыльных, в условиях ссылки эти люди лишились двух важнейших атрибутов своей группы – силы общественной поддержки и своей экономической силы. В довершение ко всему они лишились свободы. Следует помнить, что январское восстание пришлось на то время, когда, согласно Ф. Знанецкому, потенциал шляхты как польского национального лидера если и не был еще до конца исчерпан, то такое исчерпание уже намечалось, т.е. на время, которое можно назвать переходным, а может быть, даже кризисным. Все это нашло выражение в установках, поведении, взглядах ссыльных. Здесь очевидно наступает кризис ценностей, что ведет к деморализации части этих людей, а других заставляет выбрать путь построения собственной карьеры в Российской империи ценой принятия православия, т.е. ценой отказа от одной из важнейших национальных ценностей, приводящего со временем к их русификации.

Однако мы наблюдаем в этой ситуации и прямо противоположные процессы. Как справедливо заметил Антоний Кучинский (Antoni Kuczyński), в среде ссыльных после январского восстания раньше, чем в среде поляков, оставшихся на родине, произошел перелом, связанный с отказом от представлений об исключительной роли шляхты в национальном движении [1].

Именно в ссылке, в кризисной ситуации, из дворянства быстрее стала выделяться новая группа национальных лидеров – интеллигенция.

Тайные объединения ссыльных были типичными национальными институциями, задачей которых были выработка и предложение своим соотечественникам идеальных культурных образцов. Это были организации, стремившиеся не только к сохранению национального status quo, но к усилению национального фактора. В условиях чрезвычайной, угрозы, нависшей над национальными ценностями, и крайне ограниченных возможностей самозащиты, в ситуации, когда не оставалось никаких шансов на культурную экспансию, в целях сохранения национальной идентичности лидеры польского народа принимают оборонительную стратегию, что, вообще, характерно для этнических групп, находящихся под угрозой. В эту стратегию входит установка на избегание контактов с окружением, поскольку это окружение представляет угрозу для польских национальных ценностей. Отсюда и проистекает то негативное, критическое отношение ко всему, с чем приходится сталкиваться полякам в Сибири. Это неприятие и негативное отношение распространяются даже на такие вещи, отрицательное отношение к которым может показаться странным. Это касается, например, типа женской красоты или характера русской музыки, русского театрального искусства – искусства, которое поляки, даже не симпатизирующие России, обычно высоко ценили (см. об этом: [13]).

Не следует забывать о том, что национальные стереотипы и предрассудки, как справедливо заметил Ф. Знанецкий, основаны не на незнании и не являются «ошибочными суждениями», а формируются как сознательные и целенаправленные действия оборонительного, самозащитного характера, предпринимаемые группой, поскольку слишком близкие контакты с иной культурной группой представляют для нее опасность. Слишком близкие контакты могут угрожать национальным ценностям данной группы и даже вести к ее деморализации³.

В известной мере подобная ситуация имела место во время Второй мировой войны. Тогда советская власть старалась вывезти в Сибирь, Казахстан и в другие отдаленные области Советского Союза прежде всего представителей польской национальной элиты (оказавшейся на территории, на которой распространялась компетенция советской власти), причем элиты не обязательно в экономическом, но прежде всего в идеологическом измерении. Эта власть стремилась также как можно сильнее унижить ссыльных, растоптать их национальные и религиозные ценности. И в этом случае важнейшей формой самообороны против унижений было формирование убеждения в собственном моральном, культурном и цивилизационном превосходстве поляков над окружающим, чужим (сибирским) населением, чему и служили соответствующим образом выстраиваемые стереотипы. В этих стереотипах имели место различия (в пред-

ставлениях поляков о советском государстве, о его функционерах, чиновниках, о простых российских гражданах и русских людях), но каждый из таких стереотипов и все они вместе формировались в соответствии с поставленной целью охраны и спасения собственной идентичности (см. об этом: [1–3])⁴.

Я уже упоминал о том, что распространение польской национальной идентичности на другие общественные группы (не только на шляхту) было длительным процессом, ускорение которого произошло лишь на рубеже XIX и XX вв. Проведенные до настоящего времени исследования еще не позволяют точно определить, каков был характер и уровень культурной идентичности польского населения, проживавшего в сибирских деревнях в XIX и начале XX в.

Однако мы точно знаем, что оказавшиеся в Сибири поляки, происходившие из разных областей Первой Речи Посполитой (Польского государства, существовавшего до его «разделов»), в культурном отношении весьма сильно отличались друг от друга. Различной была сама их польская культурная идентичность как в этническом, так и в общенациональном ее измерении. Эти различия оказывали свое влияние на их отношение к тому окружению, в котором они оказались в Сибири, к местному населению.

Все известные нам источники (сообщения, письменные и устные свидетельства ссыльных поляков), причем как Новейшего времени, так и относящиеся к концу XIX и к началу XX в., единодушно указывают на тот факт, что польские крестьяне, оказавшиеся в Сибири, гораздо быстрее, буквально стремительно поддавались русификации, чем представители интеллигенции и дворянства. Имея в виду неоднородность польского населения в Сибири, мы должны проводить углубленные, дифференцированные исследования, обращая внимание на каждый конкретный случай. В таких исследованиях еще ощущается заметный дефицит, однако уже сегодня мы можем указать на определенную закономерность.

В тех группах ссыльных поляков, чья модель идентичности ближе к «этнической группе», нежели к пониманию своей принадлежности к народу-нации, за основу выживания принимается максимально последовательное претворение в жизнь идеальных культурных образцов, контролируемое общественным мнением и авторитетами, признанными в данной группе. Правда, в новой, сибирской, обстановке знание и опыт этих признанных авторитетов, например, людей старшего возраста, не всегда могли пригодиться, а контакты с такими традиционными в крестьянской среде авторитетами, как представители католического духовенства, были ограничены или вовсе прерваны. Это вело, особенно в условиях сравнительно близкого по языку русского окружения, к такому явлению, которое Станислав Орсини-Розенберг назвал распадом культурного образца, способствовало быстрой ассимиляции, растворению в доминирующем окружении. При этом он имел в виду рас-

пад собственного культурного образца и его вытеснение чужим, признанным более пригодным [9. С. 8–9].

Совершенно иную картину видим мы, к примеру, в польско-сибирской деревне Вершина, наиболее известной ныне современной общественности. Проживающие в ней поляки были рабочими, шахтерами; не обладали они необходимыми знаниями и опытом для ведения сельского хозяйства, но обладали национальной польской идентичностью. Хорошие отношения с соседями им были еще более нужны, чем польским крестьянам, оказавшимся в Сибири.

В то же время сильная национальная идентичность позволяла им сохранять культурный status quo, что не мешало добрым отношениям с окружающим населением, а резкие культурные различия между поляками и бурятами только облегчали достижение этой цели. Самая известная сегодня в Сибири польская деревня остается польской именно потому, что была она заселена

людьми, мало приспособленными к местным условиям жизни, но обладающими польской национальной идентичностью, развитой в гораздо большей степени, чем у многих польских крестьян, оказавшихся в Сибири.

Я привел лишь несколько примеров, показывающих, что проблема отношения «сибирских» поляков к тому иному (чужому) культурному окружению, в которое они попали, теснейшим образом связана с проблемами эволюции их собственной идентичности, с процессами изменения этой идентичности. Убежден, что на всю историю польско-сибирских отношений надо взглянуть еще раз, приняв во внимание именно данный аспект. Эта тема так широка, что на ней можно и даже нужно написать отдельную монографию. Дело это мне представляется чрезвычайно важным не только для выяснения того, что было в прошлом, но также для понимания нынешних и построения будущих польско-русских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основные теоретические положения этого направления я уже представил в России [6].

² Станислав Орсини-Розенберг (Stanisław Orsini-Rosenberg), имея в виду названные особенности и природные черты этнической группы, назвал ее *группой конформистской*, характеризуя как «сумму людей, угнетенных их общественным положением и силой определенных, общих для этой группы, объективных культурных условий как бы приговоренных к соответствующему образу мыслей и действий» [9. С. 15]. В то же время Леон Василевский (Leon Wasilewski) применял для обозначения этнической группы ударный, хотя и заимствованный из современной ему социологии термин «этнографическая масса» (или «этнографический материал») – *masa etnograficzna, material etnograficzny* [10. С. 11–12].

³ Своим студентам, для иллюстрации этого механизма, я часто привожу пример из области исследования польско-цыганских отношений (в таких исследованиях я участвовал в 1970 и 1980-х гг. под руководством профессора Леха Мроза из Варшавского университета). Все наши информаторы подтверждали, что в детстве их пугали рассказами о том, что цыгане похищают детей. Большинство из них повторяли эти рассказы для устрашения своих детей. При этом никто из них в это не верил. Данный стереотип просто помогал избежать неконтролируемой дегуманизации, слишком близким контактам между детьми, за которыми занятые работой родители не имели возможности постоянно следить, сближению с цыганами, имеющими свою систему ценностей, не принятую поляками. Таким образом, этот стереотип играл типичную роль общественного регулятора.

⁴ Подобный оттенок имели стереотипы русских и граждан Советского Союза, распространенные в Польше после Второй мировой войны. Они начали понемногу ослабевать после 1989 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Wrocław : Atla, 1998. 435 с.
2. Rzepkowska A. Sybiracy: wspólnota – pamięć – narracja. Studium antropologiczne. Łódź : PTL, 2009. 227 с.
3. Ольшевски В. Жители Сибири и Казахстана в сообщениях польских ссыльных периода Второй мировой войны (в контексте польских стереотипов Сибири) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : сб. науч. тр. Омск : Изд. дом «Наука», 2014. Ч. I. С. 441–446.
4. Ольшевски В. Исследование польской диаспоры в Сибири. Дилеммы антропологии // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. С. 34–38.
5. Мулина С.А. Мигранты поневоле. Адаптация ссыльных участников польского восстания 1963 года в Западной Сибири. СПб. : Алетея, 2012. 199 с.
6. Ольшевский В. Культурная идентичность: избранные аспекты // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность : сб. науч. тр. Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. С. 68–87.
7. Znaniecki F. Socjologia walki o Pomorze. Toruń : Instytut Bałtycki, 1935. 48 с.
8. Obrębski J. Problem grup etnicznych w etnologii i jego socjologiczne ujęcie // Przegląd Socjologiczny. 1936. № 4 (1–2). С. 177–195.
9. Orsini-Rosenberg S. Procesy rozkładowe w grupach etnicznych niezorganizowanych. Warszawa : Drukarnia L. Nowaka, 1933. 41 с.
10. Wasilewski L. Sprawy narodowościowe w teorii i życiu. Warszawa : Towarzystwo Wydawnicze w Warszawie, 1929. 232 с.
11. Bardach J. O świadomości narodowej Polaków na Litwie i Białorusi w XIX–XX w. // Między Polską etniczną a historyczną. Wrocław : Ossolineum, 1988. С. 225–272.
12. Olszewski W. Tożsamość kulturowa Kresów w humanistycznym nurcie polskiej myśli etnologicznej do roku 1939. Studium z zakresu antropologii stosowanej. Toruń : Wydawnictwo UMK, 2007. 325 с.
13. Lepecki M. Sybir bez przekleństw. Sybir wspomnień. Warszawa : Wydawnictwo LTW, 2012. 300 с.

Olszewski Wojciech. Nicolaus Copernicus University in Toruń (Toruń, Poland); Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: wojol@umk.pl

HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXTS OF POLES' ATTITUDES TOWARDS THE INHABITANTS OF SIBERIA.

Keywords: Siberia; Poles; cultural identity.

Poles have been presented in Siberia ever since Russia began to colonise the land. In order to understand their attitudes and demeanour towards the inhabitants of Siberia, including both indigenous peoples and Russians, it is important to bear in mind that the word “Poles”

has meant vastly different cultural qualities over that period spanning several hundred years. Historians have addressed the social differences among Poles coming to Siberia and the diversity of places (regions) they were coming from, with a particular emphasis on the varied circumstances in which these people arrived and stayed in Siberia. However, they have not given sufficient consideration to the important issue of how diverse the Poles were in terms of identity, and how their cultural identity influenced their relationship with the indigenous population. Nation-building processes within Polish ethnic groups led to the establishment of a strong Polish national identity as early as in the XV century. That nation, however, consisted mainly of nobility. While open to nobles of different ethnic origin, it was reluctant to accept other Polish social groups due to its class exclusivism. As a result, a large proportion of the ethnographically Polish population continued to associate their identity with ethnicity rather than nationality. A breakthrough occurred in the aftermath of the January Uprising (1863–1864), when the gentry ultimately lost their ability to lead the nation. The reasons were twofold: the gentry's inability to overcome class exclusivism, and the destruction of their economic potential (considered a national treasure) by the partitioning powers. Paradoxically, by striking against nobles' estates, the occupying forces contributed to the strengthening and rapid development of Polish national identity, since gentry was replaced by the intelligentsia as the nation's leadership class. Within half a century, the change in leadership helped extend Polish national identity to all social groups, and allowed the Polish nation, devoid of its own state at the time, to reach a geographical apogee on all its borders. Nevertheless, even at the beginning of the XX century, there still existed sizable groups of ethnographically Polish population whose identity was more ethnic than national. Polish researchers dealing with issues of nationality emphasised as early as in the 1920s and 1930s that cultural identity is not a state, but rather a process, and that the manner in which group identity is organised has a profound impact on the group's (or its members') attitudes towards a culturally different environment. Taking into account the varied cultural and historical contexts, this paper pays special attention to the manner in which the cultural identity of each group of Poles and the identity processes occurring within it have translated into the group's attitude towards the inhabitants of Siberia. The author believes that the entire history of Polish-Siberian relations should be revisited in order to take into account that particular aspect. Arguably, this is important not only to the understanding of the past, but also to the understanding of the current and the improvement of the future Polish-Russian relations.

REFERENCES

1. Kuczyński, A. (1998) *Syberia. 400 lat polskiej diaspory* [Siberia. The Polish diaspora is 400]. Wrocław: Atla.
2. Rzepkowska, A. (2009) *Sybiracy: wspólnota – pamięć – narracja. Studium antropologiczne* [The Siberians: Community – memory – narrative. Anthropological studies]. Łódź: PTL.
3. Olszewski, W. (2014) Zhiteli Sibiri i Kazakhstana v soobshcheniyakh pol'skikh ssl'nykh perioda Vtoroy mirovoy voyny (v kontekste pol'skikh stereotipakh Sibiri) [Residents of Siberia and Kazakhstan in the reports of Polish exiles during World War II (in the context of Polish stereotypes of Siberia)]. In: Tomilov, N.A. & Chernyavskaya, N.K. (eds) *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya* [The Siberian village: History, current state and prospects for development]. Omsk: Nauka. pp. 441-446.
4. Olszewski, W. (2014) Issledovanie pol'skoy diaspory v Sibiri. Dilemmy antropologii [Polish diaspora in Siberia. Anthropological dilemmas]. In: Tautova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in archaeological research]. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 34-38.
5. Mulina, S.A. (2012) *Migranty ponevole. Adaptatsiya ssl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1963 goda v Zapadnoy Sibiri* [Involuntary migration. Adaptation of the exiled members of the Polish uprising of 1963 in Western Siberia]. St. Petersburg: Aletya.
6. Olszewski, W. (2011) Kul'turnaya identichnost': izbrannye aspekty [Cultural identity: Selected aspects]. In: Zhigunova, M.A. & Danchenko, E.M. (eds) *Naselenie Sibiri: mezhnatsional'nye otnosheniya, obrazovanie i kul'turnaya identichnost'* [Siberian population: Ethnic relations, education and cultural identity]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. pp. 68-87.
7. Znaniecki, F. (1935) *Socjologia walki o Pomorze* [Sociological struggle for Pomerania]. Toruń: Instytut Bałtycki.
8. Obrębski, J. (1936) Problem grup etnicznych w etnologii i jego socjologiczne ujęcie [The problem of ethnic groups in ethnology and sociological approach]. *Przegląd Socjologiczny*. 4(1-2). pp. 177-195.
9. Orsini-Rosenberg, S. (1933) *Procesy rozkładowe w grupach etnicznych niezorganizowanych* [Decomposition processes in unorganized ethnic groups]. Warsaw: Drukarnia L. Nowaka.
10. Wasilewski, L. (1929) *Sprawy narodowościowe w teorii i życiu* [Ethnic affairs in theory and life]. Warsaw: Towarzystwo Wydawnicze w Warszawie.
11. Bardach, J. (1988) O świadomości narodowej Polaków na Litwie i Białorusi w XIX–XX w. [The national consciousness of Poles in Lithuania and Belarus in the 19th–20th centuries.]. In: Wrzesiński, W. (ed.) *Między Polską etniczną a historyczną* [Between ethnic and historical Poland]. Wrocław: Ossolineum. pp. 225–272.
12. Olszewski, W. (2007) *Tożsamość kulturowa Kresów w humanistycznym nurcie polskiej myśli etnologicznej do roku 1939. Studium z zakresu antropologii stosowanej* [The borderlands of cultural identity in the humanities stream of Polish ethnological thought before 1939. The study in the field of applied anthropology]. Toruń: Wydawnictwo UMK.
13. Lepecki, M. (2012) *Sybir bez przekleństw. Sybir wspomnień* [Siberia without profanity. Siberian memories]. Warsaw: Wydawnictwo LTW.